

Яновская Л. М. Последняя книга, или Треугольник Воланда / Яновская Лидия; [предисл. А. Яновского]. — М.: ПРОЗАиК, 2013. — 752 с.

Имя Лидии Марковны Яновской (1926—2011) хорошо известно литературоведам. Яновская — автор целого ряда книг и статей о Булгакове. Ею были опубликованы текстологически выверенные издания *Мастера и Маргариты*, *Белой гвардии*, *Собачьего сердца* (Киев, 1989). Она подготовила к печати дневник Елены Сергеевны Булгаковой.¹

Для литературоведов, занимающихся биографией и творчеством М. Булгакова, проблемами булгаковской текстологии, работы Яновской относятся к числу основополагающих — ни одно новейшее исследование не обходится без ссылок на Яновскую. Но работы Яновской открыты и непрофессиональной читательской аудитории: они информативны, материал в них изложен ясно, язык изложения опрятен.

Книга, о которой идет речь в нашей заметке, — а ее главы составлены из ранее опубликованных, переработанных или написанных практически заново статей (по определению автора — «с отступлениями, сокращениями и дополнениями»), — в целом продолжает темы исследований, над которыми работала Яновская. Шесть разделов книги (*Шесть редакций романа; Комедиант господина и господин комедианта; Размышле-*

© Vadim Besprozvannyj, 2014

© TSQ № 48. Spring 2014

¹ *Дневник Елены Булгаковой*. Сост., текстол. подгот. и комм. В. Лосева и Л. Яновской. М., 1990.

ния у книжной полки; Понтий Пилат. Иешуа Га-Ноцри. Воланд; Горизонтали и вертикали Ершалаима; Загадочный треугольник и цвета бытия; «Я розы люблю...»), вводная глава (Неевклидова геометрия по Михаилу Булгакову, или Глава, в которой автор рассказывает о себе) и приложение (Встреча в Ханской ставке, или Как делаются открытия) объединяют материал, хотя, в целом, его компоновка свободная: это не монография, а собрание заметок и статей. Больше всего места в них уделено *Мастеру и Маргарите*, но многие наблюдения исследователя касаются и других произведений Булгакова, особенно когда эти другие произведения появляются в качестве контекста «главного» булгаковского романа.

Если бы словосочетание «булгаковская энциклопедия» не было бы уже основательно дискредитировано одноименным изданием,² многочисленные наблюдения Яновской над реалиями произведений Булгакова действительно могли бы послужить хорошим фундаментом для такого труда. Перечислить здесь все наблюдения Яновской над булгаковскими текстами невозможно, да и не нужно — продуктивней и интереснее прочесть книгу. Можно лишь отметить несколько общих особенностей авторского «почерка».

Установление научной истины далеко не всегда дает «окончательный результат», в наибольшей степени это — процесс приближения, где ясность доводов необходима прежде всего. За «движением сюжета» у Яновской легко следить, ее доводы обычно изложены внятно, и потому с ней можно спорить или соглашаться, но в недоумение она читателя не повергает. С этим непосредственно связано и другое несомненное достоинство булгаковедения Яновской: она явно сторонится того типа литературоведческого письма, который приобрел популярность в последние три десятилетия. Речь идет о том, что в англоязычной терминологии деликатно называется *overinterpretation*, а в русскоязычной — паралитературоведением³ (есть и др. названия, терминологически менее стро-

² Соколов Б. В. *Булгаковская энциклопедия*. М., 1996.

³ Значение этих терминов, конечно, сходно, но не идентично и в конкретных исследованиях может реализовываться с некоторыми различиями; гово-

гие). В числе наиболее пострадавших областей исследования булгакововедение уже длительное время остается лидером. Поиски глубоко закодированных значений, расшифровки «кодов»⁴ и множество произвольных допущений в значительной степени игнорируют поэтику произведений Булгакова, предлагая вместо литературоведения сенсационные «открытия» для невзыскательного или/и неподготовленного читателя.⁵

Яновская долгие годы работала с архивными источниками, эта работа была не только сложной, но и, по ряду обстоятельств, драматичной. Без опоры на материалы архива многие вопросы булгаковских текстов оставались бы «темными». В своих штудиях Яновская постоянно опирается на булгаковские рукописи, которые, хоть и не горят (по определению самого писателя), но во многих иных отношениях вполне беззащитны. Например, от кажущейся «понятности» и «самодостаточности» их содержания. Вот как Яновская определяет работу с архивными документами: «Очень важно найти — открыть — архивный документ. Важно (и бывает трудно) его опубликовать. Но [...] есть еще одна вещь, в которой нуждается документ: его нужно прочесть».⁶ Вообще, для исследовательского подхода Яновской характерно своего рода «остранение» материала, стремление увидеть давно знакомое как бы впервые. Поэтому она чрезвычайно критична к оценочным

речь подробно об этом здесь не представляется возможным. См., однако: Гольдфайн, И. *Паралитературоведение* // Знамя. № 4, 2000. С. 214—219; он же: *Основные направления в современном паралитературоведении* // Знамя. № 7, 2008. С. 203—208 (интересные, но не бесспорные статьи). Eco, U. *Interpretation and overinterpretation* / Umberto Eco with Richard Rorty, Jonathan Culler, Christine Brooke-Rose; edited by Stefan Collini. 1992.

⁴ В этом случае семиотический термин подменяется конспирологическим, существенным недостатком которого является предзаданность результата «расшифровки»: обязательно следует найти булгаковский «тайный замысел», которому подчинен и ради которого написан роман.

⁵ В числе одиозных — Галинская И. Л. *Криптография романа «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова* // Загадки известных книг М., Наука, 1986 (правда, книга вышла в научно-популярной серии).

⁶ Яновская, *Последняя книга*, с. 153.

штампам, привычным толкованиям, упрощающим картину творческого процесса у Булгакова. В особенности это заметно там, где, вразрез с общепринятым объяснением правки и сокращений у писателя боязнью цензуры или самоцензурой, она, сопоставляя разные рукописные редакции булгаковских произведений, дает более проникательный и аргументированный анализ.

Проблемы булгаковской текстологии, прежде всего, вопросы, связанные с текстом *Мастера и Маргариты*, до сих остаются в числе наиболее дискуссионных.⁷ В первом разделе книги (*Шесть редакций романа*) Яновская последовательно излагает свою точку зрения, высказывавшуюся ею и ранее⁸ (не забудем, что мы говорим здесь об итоговом труде автора), и реализованную в изданиях Булгакова.⁹

Таким образом, в распоряжение тех, кому точка зрения Яновской кажется оспоримой и нуждающейся в пересмотре, предоставлен материал для работы и для полемики, позволяющий избежать риторики и расплывчатых утверждений.

Текст Булгакова у Яновской представлен не только как пересечение множества его интерпретаций, но и помещен внутрь автобиографического контекста. Это книга о биографии и творчестве М. Булгакова в отношении к биографии и исследовательской работе Лидии Яновской. За последние несколько десятилетий жанр, тем или иным образом объединяющий литературоведение и литературу, объект и субъект исследования, вошел в литературное сознание времени.¹⁰ На этом принципе, основаны очень разные книги: *Конец цитаты и Пиши пропало* М. Безродного, *Записи и выписки* М. Гаспаро-

⁷ Об этом вкратце см.: Белобровцева И., Кульбюс С. *Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита».* Комментарий. М., 2007. С. 30–32.

⁸ См. например: Яновская Л. М. *Треугольник Воланда*. Киев, 1992. Главы из этой книги были напечатаны ранее: Яновская Л. М. *Треугольник Воланда* // Октябрь. 1991. № 5. С. 182–202.

⁹ Булгаков, М. *Избранные произведения в 2 т.* Т. 2. Киев, 1989; Булгаков, М. *Собрание сочинений в 5 томах.* Т. 3. М., 1990.

¹⁰ Не то, чтобы впервые появился на свет — произведения Л. Гинзбург, В. Шкловского, Б. Эйхенбаума были написаны раньше — скорее, реактуализировался.

ва, «виньетки» А. Жолковского, эссе *Из города Энн О. Ронена* и др. Отличие этой книги в том, что у Яновской, писавшей, впрочем, не только о Булгакове, именно творчество Булгакова стало основным подтекстом ее биографии.

Многие страницы «Последней книги» остро полемичны, многие написаны довольно резко по отношению к коллегам. Частью речь идет о принципиальных разногласиях, но иногда появляются и обвинения в серьезных нарушениях профессиональной этики. Много личных вопросов, немало смертельных обид. Вне эмоциональной составляющей многое следовало бы разъяснить самим булгаковедам, и, конечно, не в блогах и не «на языке трамвайной перебранки» — не для того, чтобы назвать победителей, но для того, чтобы ситуация вокруг исследования творчества Булгакова не напоминала массолитовскую фантасмагорию.

Последняя книга, или Треугольник Воланда — работа, создававшаяся Лидией Марковной Яновской, когда она уже знала, что другой не напишет. Об этом следует помнить тем, кто прочтет эту книгу.

Вадим Беспрозванный